

цию, обнаруживается же «сплошная политическая аморфность и отсутствие сильной воли». Относительно же существования «антского воен. союза», которому Д. М. Одинец уделяет такое исключительное внимание в смысле его значения, то у Грушевского читаем: «Сами по себе походы одних лишь Антов — самостоятельные их нападения на Византию — не особенно вероятны. Скорее Анты бывали участниками чужих походов: особенно Болгары, отправляясь из азовских степей на Византию, могли захватывать с собою по дороге дружины Антов для участия вольного и невольного». Наконец, наличие антских отрядов на византийской службе в Италии, как равно Болгар и Словен, по Грушевскому, вовсе «не свидетельствует о союзных отношениях Антов к Византии, а доказывает только отсутствие всякой государственной организации у всех этих племен». (М. Грушевский. «Киевская Русь», СПб., стр. 463, 212, 214). Существоющей *opinio doctorum* по вопросу об антах-славянах в книге Д. М. Одиноца не уделено должного внимания: осторожное мнение известного слависта Нидерле приведено в примечании, как равно отрицательные взгляды академиков А. Куника, А. И. Соболевского и А. А. Спачина. Очевидно, вопрос еще далек от разрешения, а между тем автором сообщается ему определенность исторического факта при обосновании центральной проблемы. Еще менее обоснований можно найти для существования «аянского военного союза» в том виде, какой представляется автору, а между тем автор считает возможным провести аналогию между этим союзом и скифской державой, хотя раньше (стр. 65) утверждал: «антская военная держава скорей всего напоминает собой те союзы, которые представляли из себя в середине IV в. Франки, Бур-

гунды, Алеманы, Вандалы и Готы». Не знаю насколько успешно может быть проведена аналогия «антской воен. державы» с этими двумя равнотворными явлениями. Те черты, какими М. И. Ростовцев рисует центр скифской державы, есть прежде всего характерная особенность именно кочевнического мира и кочевнической государственности. Она одинаково свойственна как скифам, так затем сарматам-аланам, гунам и т. д. На эту особенность неоднократно указывала незабвенной памяти Н. П. Кондаков, она же нашла и прочное место в его курсе изданном чешской академией наук и искусств (Н. П. Кондаков. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага 1929; см. I гл. Древности восточных кочевников и Южн. России, — быт, государственность у кочевников. Стр. 6-17). Если подобная аналогия допустима, тогда придется думать о таком влиянии общественного быта и форм соседнего кочевья на славян-антов, что и само образование и существование «антской воен. державы» будет обязано не славянской, а кочевнической стихии.

Н. Р.

Генерал Спиридович. «Распутин».

Распутин не столько личность, сколько среда, — вот первый общий вывод, который напрашивается при чтении этого труда ген. Спиридовича, вводящего нас в самую гущу того рокового десятилетия нашей истории, которое завершилось революцией и в первую очередь перед ней ответственно. Распутин, как личность, настолько заслоняется средой, что когда прогремели выстрелы, убиравшие его, то ничто в сущности не изменилось: убийство Распутина не только горизонта не расчистило, но, как замечает автор, оказалось «первым выстрелом революции».

Какова была эта среда? Каким образом мог Распутин в ней произрасти? Тут исследование надо разделить на две плоскости: на среду сделавшую Распутину и на среду его использовавшую. В первом случае вопрос ставится в области преимущественно психологической, во втором — в политической.

Распутин психологически, это — великосветская бырьнька, ищущая чегонибудь острого для своих истеричных нервов; будь у Распутина настоящие козлиные ноги и рожи, успех его в этой среде был-бы еще более шумный. К этим расхлябаным барынькам примыкает другой пласт русской общности: интеллигенция, соскучившаяся на своем позитивизме и атеизме и метнувшаяся в мутные воды мистики, как лягушки в болото; это — печальной памяти Религиозно-Философское Общество, модернисты, декаденты и прочая и прочая, прошумевшие на русском горизонте в начале этого века. Оторвавшись от своей нации, они тоже ринулись на поиски «чегонибудь особенного». Вспыхнул недоброкачественный интерес к религии — мозговой, от скуки и опустошенной души своей. Будь Распутин человеком действительно праведной жизни, его бы не заметили; успех его в том, что он походит не то на юродивого, не то на хлыста. Подвержись не Распутин, а какаянибудь секта душителей или пожирателей огня — были бы приняты с еще большим восторгом. И Распутин здесь, в этом пестром месиве, производит впечатление отнюдь не наилучшее: хлыст природный, по сравнению с хлыстовствующими интеллигентами, подкупает и своей несомненной религиозностью, и просто какими-то стихийными, русскими силами.

Из этой психологической почвы рождается мало-по-малу и Распутин политический. От одних к другим он

попадает, наконец, туда, где вернется судьбы России: сам он политикой не интересуется, но «тщеславен, любит быть в центре», как замечает ген. Спиридович, и вокруг него начинается суетня. Одни видят в нем лучшее средство, чтобы протолкнуться вперед, стать у правления, другие — либерально-революционный клан — видят в нем таран для борьбы с властью. Первые спявляют Распутину и потворствуют его диким инстинктам, вторые заглядывают в его спальню и гогочут на всю Россию: какой прекрасный материал для агитации! «Не любят министра юстиции Щегловитова — его называют другом Распутина, хотя он враг его и даже не знаком с ним» — дает образец такого использования ген. Спиридович.

И опять таки можно сказать, что Распутин политический, как и Распутин психологический, выглядит много лучше облепившей его среды. В книге ген. Спиридовича мы находим густая краски для этой среды: Алексей Хвостов, министр внутренних дел, — «человек без задерживающих центров», как он сам себя рекомендует; князь Андроников — «забывают Господа Бога», Белецкий, Сивилевич, Комиссаров и др. — «веселые политические бандиты», как образно характеризует их автор.

В своеобразной веселости им, действительно, нельзя отказать. Когда, например, Комиссаров — с рыжыми бакенбардами и трубным голосом — был назначен охранять Распутина, то долго думал кому бы это явиться во начальству с рапортом. Наконец подкараулил на вокзале... Вырубову и гаркнул: «Так сказать, будучи назначен присматривать за благодеяственным старцем, имею честь представиться!»

«Какой он страшный!» — отпрянула Вырубову от превосходительного озорника.

Распутин отличался большим природным умом и в целях выживания своего положения не использовал, — как бы и противовес «политическим бандам», повторяет ген. Спиридович. Брал, что давали, и раздавал дальше. Какой то вдовиче сунул 23 тысячи. Но зато целником увяз в другой стихин, которая и создала ему анекдотическую, всероссийскую славу.

— Оскопить старца! — хлопочет Илландор, когда, изверившись в Распутине, превращается в его врага, и посылает Хлюнию Гусеву. Осланется навеки загадкой, как бы выглядел старец, если-б предприятие Гусевой увенчалось успехом, но, соглашаясь даже с мудростью Илландора, кажется все же, что к этому времени Распутин переходит уже из разряда живых людей в область символов. Его именем борются в Думе.

«Глупость или измена?» — гремит Милюков, подчеркивая всей конструкцией речи именно второе и направляя это страшное обвинение через Распутина чуть ли не к самой царице.

«Историческая, замечательная речь, но она вся построена на неправде», — говорит по этому поводу Вл. Бурцев, а когда, немного спустя, на тему о распутинщине мечет громы другой думский вождь — Пуришкевич, то Бурцев повторяет:

«В ней была та же неправда, что и в речи Милюкова, но он тоже был выразителем...»

Спрашивается, что это за эпоха, где неправда является «выразителем» и делает историю???

Кстати, — о шпионаже Распутина и «придворной немецкой партии». Когда во времена Временного правительства Чрезвычайная Следственная Комиссия, благородством, как известно, не блиставшая, занялась этими вопросами, то после всестороннего обследования, принуждена была все-таки высказаться, что никаких осно-

ваний для этих слухов не было. Ген. Спиридович, со своей стороны выдвигает целый ряд доводов против этого мифа, который, к сожалению, был широко использован в интересах политического ратоборства.

Таков был Петроград — тыл русской армии и, переходя от него к фронту, хотя бы и терпящему бедствие, несколько отдыхаешь душой. Фигура государя, взявшего на себя верховное командование, как нельзя лучше подходит, именно к этой обстановке.

— «Должна быть принесена жертва и этой жертвой буду я», — говорит император, беря на себя верховное командование в самый страшный момент войны, когда все казалось проигранным. Государь ошибся: жертвой он стал позже, когда «великая и бескровная» развернулась во всю ширь, а тогда приезд государя на фронт, наоборот, спасает положение. Освежилась ставка, лобика осяновились, подбодрились и частично сами перешли в наступление. Эту историческую заслугу императора Николая II в ходе мировой войны подчеркивает ген. Спиридович, и такое же самое показание находимы у другого автора: бывший французский посол в России М. Палеолог в труде своем «Guillaume II et Nicolas II» оценивает роль русского царя в тот страшный год совершенно так же (стр. 230 и дальше).

Но тыл — столица — продолжал жить своей жизнью, подчиняя России своим клановым страстям и перекидываясь именем Распутина, как мячем. Выше мы все время говорили о его роли в связи с эпохой, и это — главное, конечно, что привлекает внимание. Скажем в конце несколько слов о нем самом.

Здесь все переплетено, как в дремучей тайге, — как может быть сплетено, подчас, только в русском характере. Несомненная религиозность

идет об руку с планетарной бабоустремленностью и в ней как бы черпает свои истоки. «Святой черт» — было удачно пушено по его адресу. Откровенность, подчас изумляющая, спаяна с хитростью и дальновидным расчетом, а этот последний вдруг способен рассыпаться изумительной щедростью, небрежением к благам земным. Распутин не забывает своих крестьян-земляков и ходатайствует за крестьянские нужды вообще. Большой природный ум соединяется с даром внушения и способностью «заговаривать кровь»; к этому надо прибавить талантливость его как проповедника. Образцы его писем и речей, приводимые в книге ген. Спиридовича, позволяют говорить о большой одаренности в этом направлении.

Кто захочет обстоятельно познакомиться с эпохой и личностью Распутина, не сможет пройти мимо труда генерала Спиридовича. Здесь первоклассный, богато документированный материал. На этот материал можно опираться. Из всех монографий о Распутине труд генерала, по справедливости, занимает первое место. Выскажем сожаление, что книга не нашла до сих пор русского издателя.

Николай Былов.

«ПРАВОСЛАВНОЕ ДЕЛО», сборник, Париж, 1939.

«Православное Дело» является благотворительной организацией, пользующейся в эмиграции широкой известностью и симпатией, вполне оправданной ее деятельностью по оказанию разнообразной помощи наиболее обездоленным и нуждающимся эмигрантам. Но руководителям «Православного Дела» почему-то понадобилось «богословски самоопределяться» и явить миру свое историческое место в жизни и предании Церкви, как сказано в предисловии к их недавно вышедшему сборнику. И это

— совершенно напрасно, делает мало чести руководителям этой почтенной организации и подрывает моральное значение делаемого ими добра. «Кормить голодных, давать кров бесприютным и больным можно без всякого обоснования», пишут они сами и тут же пускаются в очень сомнительного качества «творчество», которое претенциозно считают «воскрешением лучшей традиции русской богословской мысли», будто бы нуждающейся в их защите и нашедшей в их лице своих достойных подражателей и углубителей.

По существу, специфическое творчество «Православного Дела» ограничивается передовой статьей, двумя статьями монахини Марии и отчасти статьей К. В. Мочульского. Монахиня Мария весь пыл своего «пророческого» обличительства направила против того, что всегда являлось основой монашества — личного пути христианина в его борьбе со злом в себе и в мире. Она берет под свою защиту вторую заповедь (о любви к ближнему), повидимому, против первой (о любви к Богу), что для монахини более чем странно. Она приводит очень удачно подобранные и ни в чем одна другой не противоречащие выдержки из Святых Отцов, стараясь доказать их взаимную несогласованность и противоречивость. Ее собственная доктрина характеризуется, например, ее мыслью о «возможности достичь высоких и Божественных созерцаний путем любви к ближнему», которую она выводит из текста св. Исаака Сирианина, совершенно неправильно толкуя его мысль. Вообще писания монахини Марии являются нудными перепевами на столь модную в наше время тему о каком-то «новом христианстве», которое современные реформаторы противопоставляют «изжившему себя», по их мнению, историческому христианству. Конечно, в переживаемую нами переломную эпо-